

СИНТАКСИС НЕМЕЦКОГО ЧАСТНОГО ПИСЬМА XVIII ВЕКА (на примере писем музыкантов)

Ключевые слова: В. Г. Адмони, синтаксис, немецкий язык, частное письмо, письмовник, эпистолярные тексты немецких музыкантов, Леопольд Моцарт, Вольфганг Амадей Моцарт.

Опираясь на важные замечания В. Г. Адмони о немецком синтаксисе XVIII века, автор статьи анализирует эпистолярные тексты данного периода и приходит к выводу, что практически все упомянутые положения ученого находят свое подтверждение и в письмах. Немецкое частное письмо XVIII века представляет собой сложное явление. С одной стороны — декларируемая письмовниками жесткая эпистолярная структура (формулы обращения и прощания, эпистолярные клише), регламентированное композиционное строение, установленный для каждого типа письма содержательный состав и строгое соблюдение титулатуры, с другой — новые стилистические ориентиры, провозглашенные Х. Ф. Геллертом в середине XVIII века, призывающие к простоте и свободе, близости к разговорному стилю, естественному для неофициальной сферы коммуникации. Структурно-композиционное, содержательное и стилистическое оформление эпистолярного текста зависит от фактора адресата, авторских предпочтений и стилистических установок эпохи, синтаксическое оформление текстов находится при этом под менее жестким контролем (в письмовниках практически не анализируется данный аспект, редкие замечания о синтаксисе представлены вне всякой системы). Немецкие письма XVIII века с точки зрения языкового оформления не представляют собой однородного явления. В этом смысле показательны письма музыкантов (в частности, В. А. и Л. Моцартов), которые демонстрируют не только примеры «нейтрального», «нормативного» на уровне синтаксиса эпистолярного текста, но и неожиданные варианты лингвокреативности. Анализ данных текстов доказывает, что и в эпистолярном дискурсе на уровне синтаксиса продолжалось и активно поддерживалось движение в сторону сближения письменной формы литературного языка и разговорной речи, о котором упоминал в своих работах В. Г. Адмони.

A. V. BOYARKINA

St. Petersburg State University

THE SYNTAX OF GERMAN PRIVATE EPISTOLARY WRITING OF THE 18TH CENTURY (Based on Musicians' Letters)

Keywords: V. G. Admoni, syntax, German language, private letter, manual of letter writing, epistolary texts of German musicians, Leopold Mozart, Wolfgang Amadeus Mozart.

Based on the important remarks of V. G. Admoni about the German syntax of the 18th century, the author of the article analyzes the epistolary texts of this period and

comes to the conclusion that almost all Admoni's assumptions find their confirmation in the letters. German private epistolary writing of the 18th century is a complex phenomenon. On the one hand, a rigid epistolary structure is in place, postulated by the manuals of letter writing and requiring a regulated compositional structure, a meaningful composition and strict observance of the titular rules for each letter type. However, on the other hand, there are new stylistic guidelines proclaimed by Ch. F. Gellert in the middle of the 18th century, advocating simplicity and freedom in the epistolary text while calling for proximity to the colloquial style, which is natural for the informal sphere of communication. German letters of the 18th century are not a homogeneous phenomenon in terms of their language. An analysis of the letters of musicians (in particular, W. A. and L. Mozart) proves that, at the syntax level of the epistolary discourse, the trend towards the convergence of the written form of the literary language and the spoken language, mentioned by W. G. Admoni.

1. В. Г. Адмони о немецком синтаксисе

Фундаментальные работы В. Г. Адмони о синтаксисе — «Введение в синтаксис современного немецкого языка» (1955), «Исторический синтаксис немецкого языка» (1963) и «Синтаксис современного немецкого языка» (1973) — формулируют основные понятия немецкого синтаксиса и являются базисом для дальнейших исследований в этой области. Высказывания В. Г. Адмони об особенностях немецкого синтаксиса XVIII века (в частности, более четкое размежевание сочинительных и подчинительных союзов, двойственное использование союза *denn*, все большее развитие несобственно-прямой речи, менее резкие границы между литературным языком (его письменной формой) и обиходно-разговорной речью [1, с. 241, 249, 224, 251]) находят подтверждения не только в художественной литературе, которая была основным объектом анализа ученого, но и, например, в немецкой частной корреспонденции.

2. Постановка проблемы

В исследованиях, посвященных различным аспектам изучения эпистолярного текста, а именно реализации фатической функции [7; 8; 3], типологизации адресованности [9], категории диалогизации [2], коммуникативному аспекту эпистолярных текстов и эпистолярному дискурсу [7; 6] и другим [5], синтаксические особенности эпистолярного текста, особенно в немецкоязычном контексте XVIII века, не подвергались системному анализу. При этом практически все исследователи отмечают, что в эпистоляр-

ных текстах возможны нарушения структуры предложения, причиной которых могут быть особенности неофициальной сферы коммуникации. Предполагается, что в тексте частного письма естественно некоторое «разрыхление» структур (неполнотурность) — синтаксические «перебои», повторы, корректирующие конструкции, наличие достаточного количества эмотивных синтаксических средств, таких как эллиптические, эмфатические конструкции, восклицательные предложения и парентетические вношения. Однако данные синтаксические нарушения не являются обязательными и в тексте письма появляются в различном количестве и сочетаемости, в зависимости от индивидуальных качеств языковой личности автора и статуса корреспондентов. Насколько релевантны эти нарушения для немецких эпистолярных текстов XVIII века и, в частности, писем музыкантов, и как данные особенности синтаксиса эпистолярного текста соотносятся с предположениями В. Г. Адмони?

3. Частное письмо в письмовниках и на практике

Важно отметить, что форма немецкого частного письма серьезно менялась на протяжении всего XVIII века. Традиционно все его разделы регламентировались риториками и письмовниками, которые подробно описывали нормы эпистолярного текста. В этих сборниках теоретическая информация сосредоточивалась в небольших вступлениях и носила общий характер, дидактическую функцию выполняли многочисленные примеры писем на разные случаи жизни. Но если в начале XVIII века требования к немецкому частному письму были довольно жесткими и правила регулировали языковое оформление практически на всех уровнях эпистолярного текста (титулатура, этикетные рамки, шаблоны), то в середине (и тем более к концу) XVIII века в переписке ценилась импровизация, «живое» общение, чему особенно способствовало использование синтаксических конструкций разговорной речи.

Любопытно, что в письмовниках, главных источниках распространения эпистолярной культуры, синтаксису практически не уделялось внимания. Если речь и заходила о деталях синтаксических построений, то в разделе о стиле. Например, в различных письмовниках на русском языке [7; II; III; IV] можно найти следующие предписания:

О слоге писем.

Слог писем должен быть не слишком высок, непринужден и вятен; он должен быть прост, почти обыкновенный разговор, изображенный на бумаге, чем проще, тем он приятнее, тем ближе к сердцу; для писем не нужны Риторические фигуры, — множество восклицаний и проч. равно как и длинные Периоды и Статьи: однакож, чтобы писать просто и свободно, должно основательно знать свой язык, дабы не потерять равновесия [V, с. II–III];

II. Наружная красота

а) Построение периодов.

Периоды, состоящие как из одного, так и из многих предложений, должны всегда заключать в себе и развивать одну главную мысль. Многие один за другим следующие периоды не должны сходствовать между собою по своему строению и выбору слов; более длинные должны перемешиваться с более короткими, и переходы от одного к другому казаться непринужденными. Простые и короткие периоды понятны и приличные оживленному изложению мыслей, нежели сложные и длинные. Стоит только разделить длинные, полуокругленные периоды на короткие, примыкающие одно к другому и имеющие определенный смысл предложения, и мы тотчас же убедимся, что они гораздо понятнее. Впрочем, короткие периоды и без того более приличествуют письменному слогу, нежели длинные [II, с. 18].

То есть в письмовниках при обсуждении закономерностей синтаксических конструкций речь идет только о длине предложений, в редких случаях об использовании синтаксических фигур стиля и о дополнительных маркерах эмоциональности (в частности, восклицательных знаках), а основное внимание авторы уделяют этикетным формам (обращению, оформлению инициального раздела, формулам прощания), титулатуре и расположению микротем.

В немецкоязычных письмовниках XVIII и XIX веков наблюдается примерно такая же ситуация. Во вступительных разделах обсуждаются титулатура, «внутренние» и «внешние» особенности письма, к которым относятся стиль и композиция эпистолярного текста. Синтаксическое оформление текста не разъясняется. Пытливому читателю необходимо извлечь и осознать требования, опираясь на большое количество примеров (по такому принципу построены письмовники Кристиана Фридриха Хунольда, Готфрида Шмоттера, Бенедикта Шефлера и других).

Лишь в некоторых письмовниках можно найти замечания относительно синтаксического построения предложения, в частности о важности использования пунктуационных знаков (как, например, в письмовнике Георга Карла Клавдия):

Aber nicht nur die richtige Wortschreibung, sondern auch die richtige Anwendung der Unterscheidungszeichen, des Komma, Semikolons, Kolons, Punktum u. s. w. trägt vorzüglich zur schnellen Verständlichkeit und Deutlichkeit bey. Es würde außerordentlich lästig seyn, einen Brief, so wie überhaupt jeden geschriebenen oder gedruckten Aufsatz, ohne diese Zeichen zu lesen, es würde sehr schwer werden, ihn verstehen zu können [VI, S. 21].

Практически во всех немецких письмовниках имеется призыв писать просто, легко и естественно, однако настоящий пример такого эпистолярного текста можно встретить лишь в середине XVIII века в письмах Христиана Геллерта. Сразу после публикации его книги «Письма, и практические статьи о хорошем вкусе в письмах» (Briefe, nebst einer praktischen Abhandlung von dem guten Geschmacke in Briefen, 1751) [VII] тексты писателя стали считаться образцовыми, как и новые стилистические принципы, провозглашенные им, — уместность, естественность, выразительность и индивидуальность [10, S. 204–223].

Синтаксические конструкции эпистолярных текстов Геллерта еще вполне нормативны — нет неполноструктурности, не встречаются синтаксические «перебои», но уже есть повторы, переспросы, восклицательные предложения и риторические вопросы (элементы внутритекстовой диалогизации), автор смело использует пунктуационные средства для экспликации эмоционального напряжения (удвоение тире):

Lieber böser Baron,

Wie lange ist es wohl, daß Sie nicht mich geschrieben haben? Und wie haben Sie es doch über Ihr zärtliches, freundschaftliches, poetisches Herz bringen können, mir nicht zu antworten? Denn ich habe Ihnen ja durch Herrn W. geschrieben. — — Nun das will ich Ihnen sagen. Ich bin Hofrath, und muß Acten lesen. — — Recht gut! Und ich muß Collegia lesen, und schreibe dennoch an meine Freunde. — — Ich bin ein Autor, ein Tragödienschreiber. — — Viel Ehre! Aber wo find denn die Trauerspiele, mein Herr Tragödienschreiber? Haben Sie denn also nicht wenigstens Ihren Kordus ausgebessert? — — Noch nicht! — Und warum denn noch nicht? — — Ich bin auch ein wöchentlicher Schriftsteller, und muß mit jeder Woche Weis-

heit für mein Vaterland niederschreiben. Sie wissen es ja, ich schreibe den Freund. — — [VII, S. 6–7].

Из сохранившейся и опубликованной частной переписки известных немецких деятелей не все письма середины-конца XVIII века структурно и стилистически однородны. В переписке И. В. Гёте и Ф. Шиллера (например, в письмах 1794 года) тексты практически полностью утратили эпистолярные формулы, а в письмах Й. Гайдна можно встретить практически весь набор «традиционных» нарушений синтаксических структур, характерных для эпистолярных текстов, — неполноструктурность, синтаксические «перебои», повторы, корректирующие конструкции, парентетические включения:

*Haydn an Marianne von Genziger, Wien
[Estoras, den 9. Februar 1790]
Wohl Edl gebohrne*

*Sonders Hochschätzbarste ß allerbeste Frau von Gennziger
Nun — da siz ich in meiner Einöde — verlassen — wie ein armer
weiß — fast ohne menschlicher Gesellschaft — traurig — voll der Errinerung
vergangener Edlen täge — ja lezder vergangen — und wer weis, wan diese
angenehme täge wider komen werden? diese schöne gesellschaften? wo
sind ganzer Kreiß Ein herz, Eine Seele ist — alle diese schöne Musicalische
Abende — welche sich nur dencken, und nicht beschreiben lassen — wo sind
alle diese begeisterungen? — — weg sind Sie — und auf lange sind Sie weg.
wundern sich Euch Gnaden nicht, daß ich so lange von meiner Danksagung
nichts geschrieben habe! ich fandte zu Hauß alles verwürt, 3 Tag wust ich
nicht, ob ich CapellMeister oder Capeldiener war, nichts konnte mich
trösten, mein ganzes quartier war in unordnung, mein Forte piano, das ich
sonst liebe, war unbeständig, ungehorsam, es reizte mich mehr zum ärgern,
als zur beruhigung, ich konnte wenig schlafen, sogar die Träume verfolgten
mich... [VIII, S. 226].*

То есть движение в сторону индивидуализации авторского стиля и свободы в использовании традиционных синтаксических структур делает частную переписку живой, максимально приближенной к устному разговору, однако сами эпистолярные тексты не представляют собой однородного репрезентативного материала — на фоне относительно «нормативных» текстов встречаются письма с неожиданными вариантами синтаксических конструкций.

4. Синтаксис в эпистолярных текстах музыкантов

В письмах немецких музыкантов XVIII века (в частности, Вольфганга Амадея Моцарта и его отца Леопольда) наблюдаются два противоположных явления — вполне нормативный для своего времени синтаксис (практическое отсутствие неполноструктурности, наряду с употреблением простых, относительно коротких предложений, что естественно для разговорного стиля, использование разнообразных сложных предложений, преобладание повествовательных предложений с нормативным порядком слов, подчинительной и бессоюзной связью) и одновременно с этим намеренное нарушение структуры предложения.

В письмах В. А. Моцарта выбор синтаксических средств обусловлен типом письма — письма-отчеты к отцу ближе к письменной речи, письма к сестре, жене, дружеские письма — к разговорной. По типу высказывания в письмах отца и сына преобладают повествовательные предложения. Побудительные предложения встречаются в письмах отца (совет, наказ), вопросительные и восклицательные предложения — у Вольфганга Амадея. Средняя длина предложений около 20 слов; встречаются предложения до 59 слов и короткие — в 2 слова:

sie können sich nicht einbilden waß der graf Salern für eine freüde hatte: er versteht doch die Musique, dann er sagte allzeit Bravo, wo andere Cavalier eine Prise taback nehmen — — sich schneüzen, räuspern — — oder einen discours anfangen — — — ich sagt ihm, ich wünschte nur, daß der Churfürst da wäre, so könnte er doch was hören — — er weis nichts von mir [IX, Bd. 2, S. 28];

sie hat eine schöne stimm. nicht starck doch auch nicht schwach. sehr rein. gute intonation [IX, Bd. 2, S. 28].

Порядок слов в предложениях в основном прямой. В сложносочиненных предложениях после союза *dann* (*dan*), влияющего на порядок слов, Вольфганг Амадей употребляет прямой порядок слов. Идентифицировать это как ошибку позволяет тот факт, что у Леопольда Моцарта после союза *dann* используется нормативный (обратный) порядок слов. Из писем Вольфганга Амадея:

dann diese ist leider im dienst... [IX, Bd. 2, S. 28]

dan ich wäre immer eingeladen... [IX, Bd. 2, S. 28]

Наряду с простыми распространенными предложениями в письмах встречаются сложносочиненные (3–4 элементарных) и сложноподчиненные. Распространенных определений и причастий практически не встречается, могут быть использованы инфинитивные обороты:

der Musikpack kann allzeit vorn in Magazinn bleiben, nur soltet ihr noch eine grosse Waxleinwat kauffen, un ihn sammt der alten noch einmahl damit recht einschlagen, um ihn recht gut zu versichern [IX, Bd. 2, S. 8].

Die Nannerl weinte ganz erstaunlich und ich mußte mir alle Mühe geben sie zu trösten [IX, Bd. 2, S. 8].

В сложноподчиненных предложениях частотны придаточные предложения времени, относительные придаточные и придаточные сравнительные. Таким образом, из типов связи в письмах имеются как сочинение, так и подчинение. Подлежащее выражается местоимением, именем собственным, существительным; иногда пропущено:

Вольфганг Амадей: *die Erste sängerin heist keiserin, ist eine kochstochter von einen grafen hier* [IX, Bd. 2, S. 28];

Леопольд: *Bin höchst vergnügt wenn ihr wohlauf seydt: ...* [IX, Bd. 2, S. 28].

Сказуемое в предложениях, как правило, глагольное; преобладают прямые дополнения; определения встречаются редко (выражены прилагательным), распространенных определений практически нет. Обстоятельства образа действия, времени и места выражены наречиями и существительными в косвенных падежах с предлогами. Из синтаксических фигур стиля в письмах встречаются сравнения и риторические вопросы, спонтанность на уровне синтаксиса проявляется в изменении структуры предложения за счет присоединительных конструкций, парцелляций, эллипсиса, перечисления и большого количества парентез:

diese 3 täge spielte ich mir genug; aber doch recht gern [IX, Bd. 2, S. 28] — парцелляция;

die leüte haben hier eine rechte freüid mit ihr — — — und ich mit ihnen [IX, Bd. 2, S. 28] — парцелляция;

das würde mir allein wenigstens 500f: tragen, das wäre mit meinem gehalt schon 800f: aber gewis mehr [IX, Bd. 2, S. 28] — присоединительная конструкция;

die Erste sängerin heist keiserin, ist eine kochstochter von einen grafen hier [IX, Bd. 2, S. 28] — эллипсис;

er solle alle Componisten von München herkommen lassen, er kan auch einige von italien und franckriech, teutschland, England und spanien beschreiben, ich traue mir mit einem jeden zu schreiben [IX, Bd. 2, S. 28] — перечисления;

Gestern als den 1ten october war ich... [IX, Bd. 2, S. 28] — парентеза;

ich würde den Contract mit graf Seau |: alles auf einrathen meiner guten freünde |: so machen [IX, Bd. 2, S. 28] — парентеза.

Таким образом, синтаксический строй писем Вольфганга Амадея и Леопольда Моцартов вполне укладывается в сложившиеся представления о нормативном эпистолярном синтаксисе этого периода. Исключения составляют несколько явлений, которые можно отнести к индивидуальным особенностям авторского стиля музыкантов, — это использование несобственно-прямой речи либо ненормативно оформленной косвенной речи, ненормативной пунктуации, а также изменение структуры предложения при языковой игре.

Так, при передаче диалогов Вольфганг Амадей помечает подчеркиванием чужие слова, но не всегда последовательно, что не позволяет сразу атрибутировать интертекстуальные внедрения и значительно усложняет понимание текста:

Mein lieber freünd! er merckte es, daß ich gerührt war, und fieng so gleich ganz munter an. aber sagen sie mir, was machen sie denn; man hat mir gesagt, sie seÿen hier; ich glaubte es kaum. wie ist es denn möglich daß der Mozart hier ist, und mich nicht längst besucht hat. ich bitte sie recht um verzeÿhung, ich habe so vielle gänge gehabt, ich habe so vielle gute freünde hier. ich bin versichert daß sie recht gute freünde hier haben, aber einen so guten freünd, wie ich, haben sie gewis nicht [IX, Bd. 2, S. 44]¹.

Подобный эффект возникает при смешивании косвенной и прямой речи в диалогах, которые также никак не маркируются в тексте:

---

¹ Письмо от 11 октября 1777 года. «Мой дорогой друг! он заметил, что я так растроган, и начал сразу совсем бодро. скажите-ка, чем вы занимаетесь; мне говорили, что вы здесь; я не мог поверить. как же это возможно, чтобы Моцарт был здесь и до сих пор еще не навестил меня. я искренно прошу вас о прощении, у меня было столько визитов, здесь столько добрых друзей у меня. уверяю, у вас здесь поистине добрые друзья, но такого доброго друга, как я, у вас вправду нет» [III, с. 60].

Mad: Nieser die Comoediantin gieng just heraus, und fragte mich, sie wollen gewis zum grafen? ja. er ist noch in seinen garten gott weis wen er kömt. ich fragte sie wo sein garten seÿ, ja, sagte sie, ich habe auch mit ihm zu sprechen, wir wollen mitsamen gehen [IX, Bd. 2, S. 12]².

Довольно эмоциональной воспринимается ненормативная пунктуация — использование синонимии знаков (точки, точки с запятой, двоеточия или отсутствия запятой), использование специальных знаков для обозначения скобок, многозначное использование тире для акцентирования наиболее экспрессивных фрагментов текста (подробнее см.: [4]):

den Triller schlägt sie noch langsam ; und das freut mich recht ; dann er wird nur desto reiner und klarer, wen sie ihn einmahl geschwinder machen will [IX, Bd. 2, S. 29];

sie können sich nicht einbilden _waß der graf Salern für eine freüde hatte [IX, Bd. 2, S. 29];

graf Seau fragte den fürst Zeil, |: nach dem dieser ihm alles erzehlt hatte :| wissen sie nicht... [IX, Bd. 2, S. 28];

ich wäre gern wegen — — beym salern... [IX, Bd. 2, S. 28];

Baron Rumpling machte mir neülich das Compliment ; spectakln sind meine freüde. gute acteurs und actrices, gute sänger und sängerinen, und dann einen so brafen Componisten darzu wie sie — — — daß ist freylich nur geredet — — und reden läst sich viel. — — doch hat er niemalen mit mir so geredet [IX, Bd. 2, S. 8];

eine Prise taback nehmen — — sich schneüzen, räuspfern — — oder einen discours anfangen — — — ich sagt ihm... [IX, Bd. 2, S. 28].

Однако наиболее заметны в данных текстах намеренные изменения структуры предложения при языковой игре. Многочисленные повторы, перечисление форм глаголов, многократное использование в письме одного и того же типа придаточного не только вызывает комический эффект, но и заставляет задуматься об особой склонности авторов к лингвистической креативности и свободе использования имеющегося лексического и синтаксического арсенала.

В письмах и отца, и сына можно выделить следующие явления.

---

² Письмо от 26 сентября 1777 года. «Ниссер, комедиантка, как раз выходит и спрашивает меня, вы наверняка к графу? да. он еще в саду и Бог знает, когда вернется. Я спросил ее, а где его сад, она отвечает, мне ведь тоже нужно с ним поговорить, пойдемте вместе» [III, с. 52].

- **Создание абсурдного текста** за счет перестановки слов, получающих при этом функции других членов предложения:

*ich sage ihnen eine **sache menge** zu haben, sie **glauben** es nicht gar **können**; aber **hören** sie morgen es schon **werden** [IX, Bd. 2, S. 104].*

Здесь речь идет не об ошибочном использовании порядка слов, а о намеренном многократном его изменении, которое вызывает комический эффект.

- **Комические пары слов**, объединенные конечной рифмой:

*Allerliebstes **bäse häse!***

*Ich habe dero mir so werthes schreiben richtig **erhalten falten**, und daraus **ersehen drehen**, daß der H: **vetter retter**, die fr: **baaß has**, um sie wie, recht wohl auf **sind hind** [IX, Bd. 2, S. 104].*

В данном случае объединяются в пары не только глаголы, которые находят рифму легче, но и существительные, причем в конце фраз и предложений, что помогает маркировать эти ударные позиции.

- **Длинные ряды синонимов**, создающие комический эффект:

sie schreiben noch ferners, ja, sie lassen sich heraus, sie geben sich blos, sie lassen sich verlauten, sie machen mir zu wissen, sie erklären sich, sie deüten mir an, sie benachrichtigen mir, die machen mir kund, sie geben deutlich am tage, sie verlangen, sie begehren, sie wünschen, sie wollen, sie mögen, sie befehlen, daß ich ihnen auch mein Portrait schicken soll schroll [IX, Bd. 2, S. 104].

Вольфганг Амадей выстраивает цепь синонимов с восходящей эмоциональной окраской, чтобы с помощью эффекта неожиданности (завершается цепь комической парой слов, объединенных рифмой) добиться особого комизма ситуации.

- Перечисление **всех форм глагола sein** 'быть':

Adieu bääse. Ich bin, ich war, ich wär, ich bin gewesen, ich wär gewesen, o wenn ich wäre, o daß ich wäre, wollte gott ich wäre, ich wurde seyn, ich werde seyn, wenn ich seyn würde, ich wurde gewesen, ich werde gewesen seyn, o wenn ich gewesen wäre, o daß ich gewesen wäre, wollte gott ich wäre gewesen, was? — ein stockfisch³ [IX, Bd. 2, S. 309].

³ «Адье, ку-у-зинушка. Я есть, я был, я был бы, я стал, я стал бы, о пусть я буду, пусть господу будет угодно, чтобы я был, я стал быть, я буду, если бы я был, о пусть бы я был, меня было, я буду быть, о если бы я когда-то был, о пусть

Тот же прием Вольфганга Амадея — цепь однородных членов, выстроенных по усложнению их конструкции, завершается неожиданной ассоциацией.

- Многократное использование **придаточного дополнительного**:

*Ich habe nichts zu sagen, als **daß** wir, Gott Lob, gesund sind, **daß** unsere Hände, sonderlich des Wolfg: seinige völlig wieder gut sind; **daß** die Frau des H: Haushofmeisters uns den Handteig nach deiner vorschrift gut gemacht hat; **daß** wir gestern in der Hauptprobe der neuen opera il Caesare in Egitto waren; **daß** die opera recht gut ist...*⁴ [IX, Bd. 1, S. 311].

Письмо Леопольда Моцарта представляет собой огромное сложноподчиненное предложение, объемом на целую страницу. Нанизывание новых придаточных в данном случае не вызывает усиления напряжения, комический эффект достигается за счет количества однотипных придаточных предложений и многократного повторения союза *daß*.

5. Выводы

Синтаксис немецкого частного письма XVIII века представляет собой сложное явление. С одной стороны, наблюдаются декларируемая письмовниками жесткая эпистолярная структура и определенные правила построения синтаксических конструкций, с другой — новые стилистические ориентиры, провозглашенные Х.Ф.Геллертом в середине XVIII века, призывающие к простоте и свободе в эпистолярном тексте, близости к разговорному стилю, естественному для неофициальной сферы коммуникации. Структурно-композиционное, содержательное, стилистическое и функциональное наполнение эпистолярного текста этого периода зависит прежде всего от фактора адресата, авторских предпочтений и стилистических установок эпохи. Немецкие письма XVIII века

я когда-то был, богу угодно, чтобы я был кем? — занудой» (перевод И. С. Алексеевой) [III, с. 121].

⁴ «У меня пока ничего нового, кроме того, что мы, слава Богу, здоровы и наши руки, особенно Вольфг: снова совершенно в порядке; что жена г-на дворецкого нам сделала мазь для рук по твоему рецепту; что вчера мы были на генеральной репетиции новой оперы *il Caesare in Egitto*; что опера хороша...» (перевод мой. — А. Б.) [I, с. 63].

с точки зрения языкового оформления не представляют однородного явления. В этом смысле показательны письма музыкантов (в частности, В. А. и Л. Моцартов), которые демонстрируют примеры не только нейтрального, «нормативного» на уровне синтаксиса эпистолярного текста, но и неожиданные варианты лингвокреативности в отношении синтаксических структур. Анализ данных писем доказывает, что на уровне синтаксиса и в немецких эпистолярных текстах XVIII века продолжалось движение в сторону сближения письменной формы литературного языка и разговорной речи, о котором в своих работах упоминал В. Г. Адмони, и синтаксис частной переписки, который еще недостаточно изучен, может предоставить обширный материал для дальнейших исследований в этом направлении.

Источники иллюстративного материала

I. *Бояркина А. В.* Отец гения: письма Леопольда Моцарта из первого путешествия в Италию // Научный вестник Московской консерватории. 2019. № 1 (36). С. 47–73.

II. *Иванов Н.* Полный всеобщий письмовник, примененный ко всем классам общества: собрание практических примеров служащих к изящному изложению писем на все случаи общественной жизни. М.: Тип. Александра Семина, 1853. 568 с.

III. *Моцарт В. А.* Полн. собр. писем. М.: Международные отношения, 2006. 538 с.

IV. Наставление, как сочинять и писать всякие письма к разным особам, с приобщением примеров из разных авторов: в 2 ч. М.: [Х. Л. Вевер]; При Имп. Моск. ун-те, 1773.

V. [*Новиков И. (?)*]. Всеобщий секретарь, или Новый и полный письмовник, содержащий в себе письма: известительныя, совет подающия, обличительныя, повелительныя, просительныя, рекомендательныя, представляющия услугу, жалобу содержащия, выговорныя, извинительныя, содружественныя, поздравительныя, утешительныя, благодарительныя, издевательныя, любовныя, нравоучительныя и коммерческая, с присовокуплением: контрактов, записей, свидетельств, верующих писем, форм векселей, таблицы о процентах, расписок, пашпортов, наставлений, приказов, разных объявлений и прозб, принадлежащих до присудственных мест, и духовных завещаний: в 2 ч. или 5 отделениях. 2-е изд., испр. и умнож. / издал И. Н. М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1796.

VI. *Claudius G. C.* Allgemeiner Briefsteller: nebst einer kurzen Anweisung zu den nöthigsten schriftlichen Aufsätzen für das gemeine bürgerliche Geschäftsleben;

ein Handbuch zum Selbstunterricht für die mittlern und niedern Stände. Leipzig: Fleischhauer, 1808. 622 S.

VII. *Gellert Ch. F.* Briefe, nebst einer praktischen Abhandlung von dem guten Geschmacke in Briefen. Leipzig: Wendler, 1751. 304 S.

VIII. *Haydn J.* Gesammelte Briefe und Aufzeichnungen / hrsg. und erläutert von D. Bartha. Kassel: Bärenreiter, 1965. 599 S.

IX. *Mozart W. A., Mozart L.* Briefe und Aufzeichnungen: Gesamtausgabe: in 8 Bdn. / hrsg. von der Internationalen Stiftung Mozarteum Salzburg; gesammelt von W. A. Bauer, O. E. Deutsch; auf Grund deren Vorarbeiten erläutert von J. H. Eibl. München; Kassel: DTV Deutscher Taschenbuch Verlag; Bärenreiter, 2005.

Литература

1. *Адмони В. Г.* Исторический синтаксис немецкого языка. М.: Высшая школа, 1963. 335 с.

2. *Белунова Н. И.* Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX — начала XX в. (жанр и текст писем). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. 140 с.

3. *Бирр-Цуркан Л. Ф.* Этикетность как жанровая особенность эпистолярных текстов // Немецкая филология в Санкт-Петербургском университете. Вып. 9: Типология речевых жанров. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2019. С. 9–25.

4. *Бояркина А. В.* Графостилистический облик писем В. А. Моцарта как проблема перевода // Материалы секции XL Международной филологической конференции «Музыка, текст, перевод». СПб.: Филол. фак. С.-Петербург. гос. ун-та, 2012. С. 11–14.

5. *Кабанова Т. Н.* Эпистолярный текст частной переписки в аспекте теории речевого общения (на материале рукописных и опубликованных текстов XX в.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Челябин. гос. пед. ун-т. Челябинск, 2004. 24 с.

6. *Ковалева Н. А.* Русское частное письмо XIX в.: Коммуникация. Жанр. Речевая структура. М.: СпортАкадемПресс, 2001. 284 с.

7. *Курганов Н. Г.* Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку, с семью присовокуплениями разных учебных и полезнoзабавных вещей. СПб.: [б. и.], 1769. 424 с.

8. *Сулейманова М. А.* Специфика элитарной языковой личности в эпистолярном диалоге: М. Цветаева и Б. Пастернак: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Дагестан. гос. пед. ун-т. Махачкала, 2009. 24 с.

9. *Подъяпольская О. Ю.* Типология адресованности в текстах эпистолярного жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Челябин. гос. ун-т. Челябинск, 2004. 22 с.

10. Nickisch R. M. G. Die Stilprinzipien in den deutschen Briefstellern des 17. und 18. Jahrhunderts. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1969. 308 S.

References

1. Admoni V. G. *Historical Syntax of the German Language*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1963, 335 p. (In Russian)
2. Belunova N. I. *Friendly Letters of Creative Intellectuals of the Late 19th — Early 20th Centuries (Genre and Text of Letters)*. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2000, 140 p. (In Russian)
3. Birr-Tsurkan L. F. Etiquette as a Genre Feature of Epistolary Texts. *Nemetskaia filologiya v Sankt-Peterburgskom universitete*, issue 9: Tipologiya rechevykh zhanrov. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2019, pp. 9–25. (In Russian)
4. Boyarkina A. V. The Graphostilistic Look of Wolfgang Amadeus Mozart's Letters as a Translation Problem. *Materialy seksii XL Mezhdunarodnoi filologicheskoi konferentsii «Muzyka, tekst, perevod»*. St. Petersburg, Filol. fak. S.-Peterb. gos. un-ta Publ., 2012, pp. 11–14. (In Russian)
5. Kabanova T. N. *The Epistolary Text of Private Correspondence in Terms of Speech Theory (on the Material of Handwritten and Published Texts of the 20th Century): Autoref. of Diss. of Cand. of the Philology*, Cheliabinsk State Pedagogical University. Cheliabinsk, 2004, 24 p. (In Russian)
6. Kovaleva N. A. *Russian Private Letter of the 19th Century: Communication. Genre. Speech Structure*. Moscow, SportAkademPress Publ., 2001, 284 p. (In Russian)
7. Kurganov N. G. *Russian Universal Grammar, or General Letterology, Which Offers the Easiest Way to Teach the Russian Language, with Seven Different Educational and Fun Things to Add to It*. St. Petersburg, [s. publ.], 1769, 424 p. (In Russian)
8. Suleimanova M. A. *The Specifics of an Elitist Linguistic Personality in an Epistolary Dialogue: M. Tsvetaeva and B. Pasternak: Autoref. of Diss. of Cand. of the Philology*, Dagestan State Pedagogical University. Makhachkala, 2009. 24 p. (In Russian)
9. Pod'apol'skaia O. Iu. *Typology of Addressing in the Texts of the Epistolary Genre: Autoref. of Diss. of Cand. of the Philology*, Cheliabinsk State Pedagogical University. Cheliabinsk, 2004, 22 p. (In Russian)
10. Nickisch R. M. G. Die Stilprinzipien in den deutschen Briefstellern des 17. und 18. Jahrhunderts. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1969, 308 p.

Бояркина Альбина Витальевна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Albina V. Boyarkina

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg University,

Candidate of Philological Sciences

Address: 7–9, University emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: a.boyarkina@spbu.ru

SPIN-код: 2378-9873; AuthorID: 61245; ResearcherID: C-6413-2016; ORCID: 0000-0003-3619-5885